

Пишем сочинения по
роману

И.А. Гончарова

"Обломов"

Пишем сочинения
по роману И.А. Гончарова
«Обломов»

Содержание

Вступление	4
Идейное содержание романа	7
Сюжет романа	10
Обломов	14
Штольц	31
Ольга	38
Агафья Матвеевна	44
Захар	45
Сон Обломова	46
Любовь Обломова	47
Обломовщина и ее влияние	48
Особенности творчества Гончарова	53
Заключение	55

Вступление

Роман «Обломов» был опубликован в 1858 году и произвел потрясающее впечатление на тогдашнее общество. Он, как бомба, упал на интеллигентную среду как раз во время самого сильного общественного возбуждения, за три года до освобождения крестьян, когда во всей литературе проповедовался крестовый поход против сна, инерции и застоя. Общество приглашалось бодро и энергично стремиться вперед по пути прогресса, и роман всеми своими образами вторил этому призыву.

С другой стороны, вследствие того, что обобщение дошло в романе до высшей степени, никто не мог относиться к типу Обломова объективно; всякий сравнивал себя с Обломовым и находил в себе какие-нибудь обломовские черты. Известный критик Добролюбов вполне справедливо приравнял к Обломову всех героев прежнего времени, начиная с Онегина и кончая Рудыми.

И. Глебов

Двенадцать лет спустя после выхода в свет «Обыкновенной истории» был напечатан второй роман Гончарова – «Обломов». Он явился результатом огромной и напряженной творческой работы писателя.

Замысел романа, по-видимому, созрел давно и частично был осуществлен гораздо раньше («Сон Обломова» был опубликован отдельной главой в 1849 г.), но только в конце 50-х годов Гончаров смог закончить свое произведение, когда образы уходящей помещицкой Руси и новой, пробуждающейся, стали писателю вполне ясны. Это десятилетие с еще большей отчетливостью вскрыло жизненное банкротство обитателей поместий, показало необходимость преобразования русской жизни.

Русская общественность в лице ее лучших представителей 50-х годов увидела в романе «отходную» помещицкой крепостной жизни; грандиозность и сила художественных обобщений, глубокая правдивость романа захватили внимание читательских масс. Знаменитый критик Добролюбов посвятил разбору романа одну из своих лучших статей («Что такое обломовщина?»).

Роман широко распространился в читательских кругах. Он в короткий срок стал почти массовой книгой. Об этой всероссийской известности «Обломова» рассказывал журнал «Библиотека для чтения»:

«Наперекор всем препятствиям «Обломов» победоносно захватил собой все страсти, все внимание, все помыслы читателей... Все грамотные люди прочли «Обломова». Толпы людей, как будто чего-то ждавших, кинулись к «Обломову». Без всякого преувеличения можно сказать,

что в настоящую минуту по всей России нет ни одного заштатнейшего города, где бы не читали «Обломова», не спорили бы об «Обломове». Обломов и обломовщина недаром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи».

Гончаров называл впечатление, произведенное романом на читателей, огромным и единодушным. Много лет спустя он вспоминал оценку романа, данную Тургеневым: «Пока останется хоть один русский, до тех пор будут помнить Обломова».

«Обломов» близок по теме и расстановке действующих лиц к роману «Обыкновенная история». И там и здесь толкуется о пассивности и деле, о покое и труде. Но в отличие от предыдущего произведения в «Обломове» конфликт изображен резче и вскрыт глубже, судьба героя показана в теснейшей зависимости от условий патриархальной жизни.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

«Вскоре после напечатания в 1847 году в «Современнике» «Обыкновенной истории», — рассказывает Гончаров, — у меня уже в уме был готов план «Обломова». Работа над романом шла медленно, с большими перерывами. В феврале 1849 года был опубликован отрывок под названием «Сон Обломова», который сам писатель определил как «увертюру всего романа». Это была исчерпывающая художественная экспозиция того сонного помещицкого царства, порождением которого была обломовщина. Первая часть «Обломова» была вчерне закончена к 1850 году. Возвратившись в Петербург из путешествия, Гончаров снова обратился к роману. «В 1857 году, — рассказывает писатель, — я поехал за границу, в Мариенбад, и там написал в течение 7-ми недель почти все три последних тома «Обломова».

Обильный материал для его романа дали писателю впечатления детских лет. Вспоминая свое детство, Гончаров писал: «Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежанья и зародилось неясное представление об «обломовщине». Впоследствии это представление обогатилось впечатлениями симбирской и столичной жизни».

«Обломов» был напечатан в первых четырех книгах журнала «Отечественные записки» за 1859 год. Роман имел большой и шумный успех. Один из современников, критик А.М. Скабичевский, рассказывает: «Нужно было жить в то время, чтобы понять, какую сенсацию возбудил этот роман в публике и какое потрясающее впечатление произвел он

на все общество. Он как бомба упал в интеллигентную среду как раз во время самого сильного общественного возбуждения, за два года до освобождения крестьян, когда во всей литературе проповедовали крестовый поход против сна, инерции и застоя». «Обломов» – капитальнейшая вещь, какой давно не было, – отмечал Л. Н. Толстой в одном из своих писем 1859 года. – Скажите Гончарову, что я в восторге от «Обломова»... «Обломов» имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный, а не временный...». Как об «отличной вещи» отзывался о романе и Тургенев. С глубокой оценкой «Обломова» сразу же после появления романа выступил Добролюбов в знаменитой статье «Что такое обломовщина?», напечатанной в майской книге «Современника» в 1859 году.

С. Петров

Главное произведение Гончарова, обеспечившее ему одно из первых мест среди русских писателей, – это роман «Обломов». Значение этого произведения, помимо чисто художественных его достоинств, основано на широкой типичности, которую Гончаров сумел придать своему главному герою. Благодаря этой типичности, слова «Обломов» и «обломовщина» получили значение нарицательное и употребляются до сих пор для характеристики либо отдельного лица, либо целого строя жизни. Обломов как тип может быть рассматриваем с двух сторон: с одной стороны, он является представителем старого русского барства, как оно сложилось под влиянием условий крепостного права; с другой, в его лице воплощены некоторые черты русского национального характера, как об этом свидетельствует сам Гончаров, признающий, что в характер Обломова вошли некоторые «элементарные свойства русского человека»; нужно, однако, иметь в виду, что эти «элементарные свойства» не составляют еще всего национального характера, что наряду с чертами, отмеченными Гончаровым в образе Обломова, существуют еще многие другие, совершенно отличные от них, как, например, те черты, которые изображены в народных типах Тургенева.

Гончаров писал «Обломова» почти десять лет. В 1849 году он напечатал отрывок из первой части романа – «Сон Обломова», и только в 1859 году роман появился целиком. Содержание его было навеяно еще воспоминаниями детства: сам Гончаров, описывая в главе «На родине» обстановку и быт своего родного дома, рисуя портреты окружавших его лиц, моряка «крестнаго» (Якубова) и его друзей, людей по тому времени образованных и умных, но ничем не занимавшихся, не выходивших из

халата, отдавших все свои хозяйственные и денежные дела на попечение старосты, замечает по этому поводу: «Мне кажется, у меня, очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда, при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья-бытья, безделья и лежания, и зародилось неясное представление об обломовщине». Это представление стало более сознательным, когда Гончаров, после окончания университета, вернулся в родной город: провинциальная жизнь того времени представляла полную «картину сна и застоя», в ней господствовала та же «обломовщина», которая ему знакома была еще с детства. Сам Гончаров говорил про себя: «обобщение – моя вторая натура»; поэтому из мелких наблюдений над сонной провинциальной жизнью, из знакомства с ее отдельными представителями, из детских воспоминаний и, наконец, из анализа собственного характера слагался постепенно живой образ Обломова как типичного обобщения лени, апатии, застоя, господствовавших в русском провинциальном обществе.

В. Саводник

Обломов

Праздная жизнь обломовцев не могла благотворно действовать на Обломова. Детство Ильи Ильича проходило нерадостно. Он был живой, наблюдательный и впечатлительный ребенок. Живая натура его требовала движения. Он ко всему внимательно присматривался, все узнавал. При благоприятных условиях из Илюши Обломова мог вырасти трудолюбивый, энергичный человек. К несчастью, воспитание и окружающая его среда подавили в нем хорошие природные задатки. С детства ему уже стали внушать, что он – барин, следовательно, ему не нужно и даже стыдно трудиться. В детстве няня исполняла все его малейшие прихоти, надевала на него чулки, умывала, причесывала. Тоже самое происходило и в 14 лет – с тем только различием, что вместо няни это делал Захар.

«Захар, как, бывало, нянька, натягивает ему чулки, надевает башмаки, а Илюша, уже 14-летний мальчик, только и знает, что подставляет ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не так, то он поддаст Захарке ногой в нос. Если недовольный Захарка вздумает

пожаловаться, то получит еще от старших колотушку. Потом Захарка чешет ему голову, натягивает куртку, осторожно продевая руки Ильи Ильича в рукава, чтоб не слишком беспокоить его, и напоминает Илье Ильичу, что надо сделать то, другое...»

«Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть, — уже трое-четверо слуг кидаются исполнить его желание; уронит ли он что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, сбегать ли за чем, — ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и переделать все самому, а тут вдруг отец и мать, да три тетки, в пять голосов и закричат: «Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!..»

«И не удастся никак Илье Ильичу сделать что-нибудь самому для себя. После он нашел, что оно и покойнее гораздо, и выучился сам покрикивать: «Эй, Васька, Ванька! Подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбегай, принеси!»

Умственное развитие Илюши Обломова шло также ненормально. Будучи любознательным от природы, он часто спрашивал мать и няню о причине многих явлений, но те, будучи невежественными, давали ему бестолковые ответы. Например, на вопрос его, почему в одном месте светло, а в другом темно, няня ответила так: «Оттого, батюшка, что солнце идет навстречу месяцу и не видит его, так и хмурится, а уж как завидит издали, так и просветлеет». Вместо того, чтобы сообщать ребенку правильные сведения об окружающем его мире, мать и няня питали его фантазию сказками о какой-то волшебной стороне с медовыми реками и кисельными берегами, где ничего не делают, а только гуляют и празднуют. Эти рассказы так сильно подействовали на ребенка, что у него навсегда осталось расположение полежать на печи, походить в готовом незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы.

Окружавшая Илюшу среда также не могла благотворно действовать на его природные дарования. Мальчик видел, что отец его по целым дням сидел у окна и делал ненужные замечания дворовым, или же ходил из угла в угол, заломив руки назад; мать Илюши постоянно хлопотала о еде, целый штат дальних родственников и приживалок предавался только еде и сну. Ребенок привыкал жить так, как жили все обломовцы: «Мягкий ум его напивывался живыми примерами и бессознательно чертил программу своей жизни по жизни его окружающей».

Несмотря на полное равнодушие к наукам, Обломовы все-таки решились отдать своего сына для обучения энергичному немцу Штольцу. Обломовы видели, что тот, кто имел диплом, быстро повышался по служ-

бе, получал награды и наживал деньги. Они решили добыть и для Илюши аттестат, но при этом выискивали разнообразные поводы, чтобы Илюша поменьше мучил себя учением. По самым маловажным поводам они оставляли Илюшу дома, так что старый энергичный Штольц не много мог сделать для развития природной способности Обломова. Поступивши в университет, Обломов сначала с жаром принялся за науки. Он читал серьезные научные сочинения, увлекался Шиллером, Гете, Байроном, мечтал о будущей деятельности. Но это увлечение было непродолжительным. Ко времени окончания курса Обломов потерял всякий вкус к умственной работе; голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий, ничем не связанных политико-экономических, математических или других истин, задач, положений... у него между наукой и жизнью лежала целая бездна, которую он не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе. Обломов не понимал, зачем ему нужна наука. Среди занятий он часто спрашивал себя: «Когда же жить-то?» то есть, когда же отдыхать и наслаждаться. При первой возможности Обломов бросил науку, которая требует труда, стал «жить», т.е. бездельничать. Однако он не остался в Обломовке наслаждаться деревенским покоем. Мечты о том, что он на службе принесет огромную пользу России, заставили его переселиться в Петербург и поступить на службу в один из департаментов. В течение двух лет он кое-как тянул служебную лямку; наконец, отправивши нужную бумагу вместо Астрахани в Архангельск, не захотел объясняться с начальством и подал в отставку.

Бросивши службу, Обломов окончательно предался лени. Он почти никогда не выходил из своей квартиры и обыкновенно лежал. «Лежанье у Обломова не было ни необходимостью, как у больного, ни случайностью, как у уставшего человека, ни наслаждением, как у лентяя. Это было его нормальным состоянием». На лице его нельзя было заметить никакой определенной идеи, во всем лице его и фигуре видна была полная беспечность.

Он ни на что окружающее не обращал никакого внимания. В комнате висела по стенам паутина, на всех предметах лежала толстым слоем пыль. Просыпался он обычно в восемь часов утра, но часов до 12 лежал, одевшись в халат, в постели, или на диване, чай пил в постели. После чая, закусивши чем-нибудь, Обломов опять засыпал часов до пяти. Ко всякому делу он чувствовал отвращение, ничего не читал и не писал. Как все праздные люди, Обломов постоянно занят был мечтами. Он любил воображать себя великим полководцем, оказывающим подвиги добра и ве-

ликодушия, или великим мыслителем, за которым гоняется толпа и поклоняется ему. Очень много Обломов мечтал и о том, как привести в порядок свое имение. Эти мечты помогали ему убивать свободное от сна и еды время. С другой стороны, этими мечтами он отчасти извинял свою лень. Идеалом Обломова была мирная, спокойная жизнь без всяких забот и перемен, так чтобы «сегодня» было похоже на «вчера», а «завтра» на «сегодня». Малейшая забота о чем-либо пугала его и угнетала. Требование хозяина очистить квартиру и письмо старосты о неурожае казались ему «несчастиями». Он понимал, что необходимо привести в порядок имение и переменить квартиру, но он желал бы, чтобы все это сделалось как-то само собой, без его участия. Привыкнув с детства к услугам других лиц, Обломов сам ничего не мог делать. По выражению Добролюбова, он находился в нравственном рабстве у окружающих его лиц. Правда, Обломов с гордостью говорил, что он барин и не чувствует надобности кланяться, просить, унижаться, что он не похож на «других», которые работают без усталы, бегают, суетятся. Ему казалось, что он ни от кого не зависим, на самом же деле Обломов был раб каждой женщины, каждого встречного; он был раб своего Захара. По крайней мере, чего Захар не хотел, того Илья Ильич не мог заставить его сделать, а чего хотел Захар, то делал, даже против воли барина, а барин покорялся. «Оно так и следует, — замечает Добролюбов, — Захар все-таки умеет сделать хоть что-нибудь, а Обломов ровно ничего не может и не умеет». «Я не знаю, что такое барщина, — говорил Обломов Ивану Матвеевичу, — что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают; не знаю, богат ли я или беден, буду ли я через год сыт или буду нищий — я ничего не знаю!..»

В Обломове немало и хороших душевных свойств, за которые любили его Ольга и Штольц; у него — доброе сердце, отзывчивое на всякое горе. Обломов честен: «Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи, — говорит о нем Штольц, — не обольстит его никакая народная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь». Обломов умен и проницателен в суждении о других, он высказывает очень светлые взгляды, особенно замечателен его взгляд на поэзию. «Изображают они пороки человеческие, — говорил Обломов о современных ему сочинителях обличительных поэм, — а человека-то забывают, или не умеют изобразить! Какое же тут искусство? Где же тут поэзия?.. Протяните руку падшему человеку, чтобы поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его,

помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собою, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову». Не менее замечателен отзыв Обломова о современной ему молодежи: «Сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикие! Разве это живые, неспящие люди? Да не одна молодежь: посмотрите на взрослых. Собираются, кормят друг друга, — ни радушия, ни доброты, ни взаимного влечения! Собираются на обед, на вечер, как на должность, без веселья, холодно, чтобы похвастать поваром, салоном и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому».

Обладая критическим умом, Обломов в некоторые минуты признавал свои недостатки. «Ему грустно и больно становилось за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования». Сознывая свои недостатки, Обломов, однако, не был способен перемениться. В этом случае он похож на «лишних» людей Тургенева, которые также по временам признавали свои недостатки, но не меняли своей жизни и не становились лучшими.

Сближение с Ольгой благотворно подействовало на Обломова. Он перестал лежать, стал читать, думать и вести деятельный образ жизни. Обломов искренно и горячо полюбил Ольгу. Любовь эта доставляла ему сначала полное счастье. Он думал, что женитьба на Ольге несколько не повлияет на его спокойствие. Но уже с первого момента сближения с Ольгой ему пришлось хлопотать и суетиться. «Бедный Обломов то повторял зады, то бросался в книжные лавки... и иногда целую ночь не спал, рылся, читал, чтобы утром, будто нечаянно, отвечать на вчерашний вопрос знанием, вынутым из архива памяти». Чем далее шло время, тем требования Ольги становились настойчивее. Она требовала, чтобы Обломов привел в порядок свое имение и построил новый дом. Обломов не в силах был исполнить эти требования. Он поручил совершенно незнакомому человеку — какому-то Исаю Фомичу Затертому — привести в порядок имение и с торжеством стал рассказывать об этом Ольге. Когда же она совершенно справедливо заметила, что так нельзя делать, а надо самому ехать в имение, Обломов сам уничтожил себя в глазах Ольги. «Если даже я и поеду, — говорил Обломов, — то ведь решительно из этого ничего не выйдет: я толку не добыю; мужики меня обманут; староста скажет, что хочет, — я должен верить всему; денег даст, сколько вздумает». Ольга после этого поняла, что не будет счастлива с Обломовым. «Я любила будущего Обломова, — сказала она, — ты кроток, честен,

Илья; ты нежен, как голубь; ты прячешь голову под крыло – и ничего не хочешь больше; ты готов всю жизнь проворковать под кровлей... да я не такая: мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего – не знаю! Можешь ли научить меня сказать, что это такое, чего мне недостает, дать это все... А нежность... где ее нет?»

После разрыва с Ольгой Обломов неспособен был вести деятельную жизнь: «Он постепенно укладывался в простой и широкий гроб остаточного своего существования, сделанный собственными руками, как старцы-пустынники, которые, отворачаясь от мира, копают себе могилу».

Будучи представителем старого крепостного барства, Обломов, в то же время, воплощает в себе некоторые черты, характерные для русской нации. Отсутствие любви к общественным интересам – «моя хата с краю», непротивление, пассивное подчинение обстоятельствам, апатичность, склонность к созерцательной жизни и в то же время искренность, добродушие и правдивость – все эти черты характера в значительной степени присущи нашему национальному характеру. Обломовские черты характера можно находить у многих героев нашей литературы. Онегин, Печорин, Рудин во многом похожи на Обломова. «Обломовка есть наша прямая родина, – замечает Добролюбов, – ее владельцы – наши воспитатели, ее триста Захаров всегда готовы к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова...»

И. Глебов

Герой романа Илья Ильич Обломов – человек замечательно добрый, мягкий и нежный. Все его прекрасные стороны можно охарактеризовать одним выражением: он обладает прекрасным сердцем. Это выражается в его постоянном благодушии, сочувственном отношении к чужому горю, прямоте и нравственной чистоте. Штольц так отзываясь о нем: «Не обольстит его никакая нарядная ложь и ничто не совлечет на фальшивый путь. Пусть волнуется около него океан грязи, зла, пусть мир весь отравится ядом и пойдет наыворот – никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Его сердца не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться. Узнав раз, его разлюбить нельзя». И действительно, его любят все окружающие его люди – и Штольц, и Ольга, и Захар, и жена его, и Алексеев. Эта чуткость по отношению ко всякой фальши заставляет его отрицательно относиться к светскому обществу. В бытность в университете Обломов увлекается поэзией, мечтами о подвигах на поприще науки. Такими привлекательными чертами обрисован в романе

Обломов как человек. С другой стороны, это человек, вечно лежащий на диване и вечно пребывающий в какой-то ленивой апатии. Для объяснения таких странных черт и наклонностей в этом человеке нужно обратиться в его воспитании и во всех условиях его существования. Сам автор дал нам ключ к этому в отрывке «Сон Обломова», где описано детство героя, описана вся система его воспитания, под влиянием которого Обломов вырос таким изнеженным, ленивым баринком. Автор показывает героя еще маленьким ребенком в его родной Обломовке; все в нем выказывает живую, впечатлительную и пылкую натуру; он резв и шаловлив; няня не может никак справиться с ним – обуть, одеть его, умыться. Ему не интересно сидеть дома, он рвется на воздух, где все залито летним солнцем, где его взор и ум находят столько любопытного; его тянет то в овраг, то на ветхую галерею, окружающую дом, то в сеновал, то на скотный двор. Все его интересует – в его уме все возбуждает вопросы: «Отчего это, няня, тут темно, а там светло, а уж будет и там светло?», спрашивает он в задумчивости няню.

Все в этом чутком, впечатлительном мальчике говорит в пользу развития из него, при соответствующих условиях воспитания, человека с богатой духовной организацией, из ряду вон выходящего. Но этого благоприятного воспитания, которое способствовало бы развитию в лучшую сторону его природных задатков, и не оказалось в его детстве. Он вырос баринком в полном смысле этого слова. С самого детства его баловала мать, не знавшая предела своей неразумной любви к нему; с другой стороны, с детства ему внушали, что он дворянин, что у него имеются «триста пятьдесят Захаров», назначение которых – обеспечивать его положение; его удаляли от всякого труда, внушали ему, что трудиться – это дело черни, дело холопское. Все это способствовало развитию в нем отрицательных сторон, гасило стремление к самостоятельности, инициативе и деятельности. Он жил вдали от действительной жизни, незнакомый с ней. Его сознательно отдаляли от нее, заменяя ее рассказами о стране, в которой нет ни печали, ни труда, где все веселится и гуляет.

Маленький Илья подрастает, и его отдают, наконец, в школу к немцу Штольцу; это делается не из убеждения в необходимости учения, а скорее по моде – ведь отдают другие своих детей, да ученье, кроме того, имеет в практической жизни важное значение – более образованным людям отдают предпочтение на службе и т.д.

Однако и в пору учения его балуют. Учение в уме его родителей не представляет собой чего-либо важного, к чему нужно относиться серьезно; мать всеми силами следит за тем, чтобы ее сынок не слишком

утруждал себя науками и при всяком удобном случае оставляет его дома по целым неделям: подходит ли родительская неделя, или большой праздник через несколько дней, этого достаточно, чтобы молодой Обломов оставался дома. В школе для него также нет никаких особенных трудностей: все наиболее трудные работы исполняет за него его товарищ, Штольц. Таким образом, и школьная жизнь не могла дать ему ничего нового. Такова была жизнь Обломова в родительском доме.

Затем он поступает в университет. Университет дал ему, правда, знания, но он только обратил его память в склад сведений по разным отраслям науки – цифр, лиц, событий. Он поселил даже в нем желание трудиться, но не указал, как приложить свои знания к действительной жизни. Это послужило отчасти причиной того, что Обломов при первом выступлении в практической жизни потерпел неудачу. Неподготовленность к деятельности, непривычка, даже неспособность, привитые ему барским воспитанием, отразились тут. Он выходит после неудачной службы в отставку и, будучи обеспечен трудом «трехсот пятидесяти Захаров», постепенно привыкает к нечего неделанию и впадает в то состояние апатии, в котором предстает перед нами в начале книги. Правда, он порывается иногда к делу, хочет совладать со своей ленью, но не может; он сам чувствует, что его давит старина, от которой он не может оторваться: «Часто он плакал холодными слезами безнадежности по светлому, навсегда угаснувшему идеалу жизни, как плачут по дорогом усопшем». Однако вырваться из этого застоя он не в состоянии. Под влиянием чувства любви, благодаря стараниям Ольги, он начинает как будто оживать, но под конец убеждается, что и эта последняя попытка бесполезна. После этого он еще глубже погружается в сферу застоя, апатии и прирастает больным местом к яме, в которой и погибает. Его сгубила «обломовщина» – дореформенный строй с его барством, жившим за счет труда своих крепостных.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Рисую патриархальную помещную усадьбу, родину Ильи Ильича, Гончаров выносит суровый приговор патриархальной экономике и быту. Жизнь обломовцев – это «непобедимый, всепоглощающий сон». Гончаров указывает на отсталость экономики в обломовской усадьбе как на одну из важнейших причин умственной неподвижности и лени ее обитателей.

«Они были глухи к политико-экономическим истинам о необходимости быстрого и живого обращения капиталов, – говорит автор про вла-

дельцев Обломовки, – об усиленной производительности и мене продуктов. Они в простоте души понимали и приводили в исполнение единственное употребление капитала – держать его в сундуке». Обломовцы не интересуются своим хозяйством, ведут сонную и ленивую жизнь. Боятся всякого, даже пустякового дела и в этом же духе воспитывают Илью Ильича, убивая в нем всякую волю и инициативу, прививая отвращение к труду, который в их глазах «наказание», ниспосланное свыше, за грехи родителей. Так вырастает безвольный, бездеятельный барин Обломов.

Выйдя из родимого «гнезда» на самостоятельную жизненную дорогу, Обломов оказывается совершенно беспомощным. Он лениво учится в университете, лениво и нерадиво служит, а потом и совсем выходит в отставку, напугав в делах. В конце концов, Илья Ильич, еще молодой человек, оставляет всякую попытку заняться какой-либо практической деятельностью и отдается полному покою, лежа на диване, находясь постоянно в созерцательном состоянии, предаваясь ленивым мечтам.

Сонливость, апатия, пассивность Ильи Ильича с годами принимают чудовищные размеры, и Обломов боится не только дела, но и всякого мыслительного напряжения, всякого жизненного толчка и встряски, выводящих его из душевного оцепенения.

«Началось с неумения надевать чулки, окончилось неумением жить», – говорит про своего друга Штольц, подчеркивая этими словами необходимые следствия паразитического характера жизни своего друга. Автор беспощадно разоблачает своеобразную философию, созданную Обломовым в оправдание своего безделья. Он показывает, что эта философия могла сложиться лишь в недрах класса, паразитирующего за счет крепостного труда «трехсот Захаров». Основное требование Обломова – покой. Не принимая лозунга, выставленного Штольцем, – «Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни» – Обломов пытается утвердить свое понимание социальной действительности. «Да цель всей вашей беготни, – обращается он к Штольцу, – разве она не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?»

Обломовщина боится всякого движения и развития, потому что видит в них подрыв экономических устоев помещичьего класса. «Грамотность вредна мужику, – возражает Обломов Штольцу, – выучи его, так он, пожалуй, пахать перестанет».

Любые новшества, в чем бы они ни проявлялись, любые практические начинания вызывают в Обломове боязнь и отвращение. Неприязнь к суетливому городу постоянно замечается у Обломова. «Что жизнь? Какое безобразие этот столичный шум!» – восклицает он.

Отрицая городскую цивилизацию, Обломов идеализирует патриархальную деревню, патриархальные отношения между крепостным крестьянином и помещиком, мечтает о примирении старого патриархального образа жизни с культурными интересами.

Из этого усадебного идеала вырастают представления Обломова о супружеской жизни. В мечтах Ильи Ильича рисуется патриархально-семейная идиллия, где жена помещика, сочетающая современный уровень развития и образованности с дедовской простотой, все же остается по сути дела старинной барыней, воплощением «неги» и «торжественного покоя». Философия Обломова определяет и его воззрения на любовь. Обломов и здесь, прежде всего, думает о покое. Он жаждет испытать «теплоту любви», но без «потрясающих взрывов» и тревог, хочет в отношениях с любимой женщиной найти «неизменную физиономию покоя, вечно ровное течение чувства». Именно осуществление этих стремлений Ильи Ильич предполагал видеть в Ольге Ильинской, но убедился, что жизнь везде «трогает» и «достает», беспощадно опровергая его иллюзии.

Сталкивая своего героя с Ольгой, Гончаров еще резче оттеняет дряблость воли Обломова, вялость чувства и праздность ума. В любви к Ольге писатель намечает для Обломова проблески временного пробуждения от духовной спячки, чтобы привести его к острейшему осознанию своей никчемности и самоосуждению, к пониманию того, что он «лишний человек». И если в начале знакомства с Ольгой Илья Ильич с надеждой восклицает: «Жизнь, жизнь опять отворяет мне!» и верит открывшуюся для него «цель жизни», то впоследствии с величайшей горечью он вынужден признать свое полное духовное банкротство: «Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет». «Идти вперед», «сбросить широкий халат и не только с плеч, но и с души» — он не может, и ему остается последнее убежище — подобие Обломовки: существование на Выборгской стороне, у вдовы Пшеницыной. «И здесь, как в Обломовке, ему удавалось дешево отделяться от жизни, выторговать у ней и застраховать себе невозмутимый покой», — говорит про Обломова Гончаров.

Таким образом, автор показывает неизбежность нравственного омерзения, упадка представителей помещичьего класса, не могущих идти в ногу с жизнью, быть «наравне с веком». Гончаров, правда, указывает и на симпатичные, положительные черты Обломова. «Ты кроток, честен, Илья, ты нежен, как голубь», — говорит Илье Ильичу Ольга Ильинская. В конце романа положительные стороны Обломова ясно очерчены Штольцем: «У него честное, верное сердце...» «Никогда Обломов

не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!»

Автор рисует Обломова человеком, способным к благородным порывам, по природе чутким и отзывчивым. Простота и человечность Обломова как наиболее ценные качества его характера особенно подчеркнуты Гончаровым. Автор указывает, что Обломову доступны широта взглядов и гуманность, которые возвышают его над заурядным представителем петербургского делового или чиновничьего мира. «Так мало тут человека-то нужно», – восклицает, например, Илья Ильич по поводу удачной карьеры и всяческих жизненных успехов чиновника Судьбинского.

Автор безусловно сочувствует тому возвышенному гуманизму, который отчетливо выражен у Обломова в разговоре с Пенкиным.

«Человека, человека дайте мне», – говорит Илья Ильич, рассуждая о готовящемся произведении Пенкина. «Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь... Где же человечность-то?» – задает он вопрос литератору Пенкину. «Протяните руку падшему человеку... не глумитесь над ним», – требует Обломов у своего собеседника.

Но все эти хорошие черты Обломова задавлены.

«В нем есть ума не меньше, чем в других, только зарыт, задавлен он всякой дрянью и заснул в праздности», – отзывается об Обломове Штольц, Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Апатия и неподвижность отражены Гончаровым даже во внешнем облике Ильи Ильича Обломова, изнеженного, обрюзгшего не по летам человека, который «наспал свои недуги».

Нравственное рабство Обломова заключалось в том, что, рисуя себе идеал ничем ненарушимой и благородной праздности, беззаботной и привольной помещичьей жизни, обеспеченной трудом крепостных, он не видел ничего странного в получении оброка с крепостных крестьян и даже, несмотря на свое благодушие, «придумал новую меру против лени и бродяжничества крестьян». Но себе он не задавал вопросов о «своих отношениях к миру и к обществу», пользуясь правами, он не думал об обязанностях. Поэтому он «тяготился и скучал от всего, что ему приходилось делать». «Труд и скука были для него синонимы», а свою бездеятельность и никчемность Илья Ильич довольно справедливо объяснял тем, что он дворянин. Проявлением обломовщины была и болезненная мечтательность, выражавшаяся во всякого рода маниловских фантазиях, одолевавших лежавшего на диване Илью Ильича. Непрактичность,

беспомощность – характерные черты Обломова. «Я, – признается он Мухоярову, – не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают... я ничего не знаю, – заключил он с унынием». Это было типической чертой большинства дворянской интеллигенции 40-х годов.

Роман построен как биография героя с детальным описанием обстановки и отдельных эпизодов его жизни.

Вся жизнь Обломова рисуется в романе как страшный, удручающий процесс постепенного духовного и морального оскудения человеческой личности, как превращение живого человека в мертвую душу. Детские годы привили ему сибаритство и пассивность. Он учился в университете, интересовался литературой, читал Руссо, Шиллера, Гете, Байрона, потом служил, потом даже задумал научный труд, посвященный России, но все это кончилось обломовщиной. «Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе. Его познания были мертвы... Голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий... Это была как будто библиотека, состоящая из одних разрозненных томов по разным частям знаний».

Постепенно умирали не только его разум, но и его нравственная жизнь. У него были друзья, но их дружба утомила Илью Ильича, и он отстал от их шумной жизни. Он встретил необыкновенную, чуткую девушку, горячо полюбившую его. Любовь вначале захватила и Обломова, но закончилась она все в том же обломовском духе. Лень, боязнь ломки привычного для него уклада жизни победили в Обломове чувство любви, ему не хотелось переживать ее тревог, нести какие-то обязанности перед другим человеком. Да и идеал его семейного счастья представлялся ему вполне по-обломовски. Вот почему лишенная какого бы то ни было нравственного смысла его жизнь с Пшеницыной, полной противоположностью Ольги, оказалась вполне соответствующей характеру Ильи Ильича, потребностям его обломовской натуры.

Попытки Ольги Ильинской и Штольца пробудить Обломова, вызвать его к деятельной жизни кончились неудачей. В тоске Ольга спрашивает: «Отчего погибло все? Кто проклял тебя, Илья?.. Что сгубило тебя? Нет имени этому злу»... – «Есть, – сказал он чуть слышно... Обломовщина!» Это было последнее проявление его сознания, мысли.

В истории жизни Обломова много драматического. Если бы Гончаров избрал героем своего романа человека, совершенно лишённого духовной и нравственной жизни, то его жалкая судьба не затронула бы

читателя. Но Илья Ильич — человек, в котором были заложены хорошие стремления и качества. Недаром Ольга полюбила Обломова за его «голубиную кротость» и нравственную чистоту. В своих суждениях Обломов нередко проявляет критическое отношение к чиновническому бюрократизму, к пустоте светского общества и т.п. Сам Гончаров с немалой долей сочувствия относится к своему герою, когда в нем пробуждается сознание своего постепенного падения. Тоскливое настроение, охватывавшее порой Обломова, свидетельствовало о наличии в нем подлинно человеческих чувств, иногда сопротивлявшихся неумолимой обломовщине. На судьбе героя романа Гончаров раскрывает тлетворное влияние страшной, засасывающей человека тины крепостнических нравов, отсутствия труда, дела, духовных интересов, паразитического бытия помещичьего класса.

С. Петров

Главный герой романа — Илья Ильич Обломов, помещик, живущий, однако, постоянно в Петербурге. Характер Обломова выдержан прекрасно на всем протяжении романа. Он далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда. Главные черты характера Обломова — почти болезненная слабость воли, выражающаяся в лени и апатии, затем — отсутствие живых интересов и желаний, боязнь жизни, боязнь всяких перемен вообще. Но, наряду с этими отрицательными чертами, есть в нем и крупные положительные: замечательная душевная чистота и чуткость, добродушие, сердечность и нежность; у Обломова «хрустальная душа», по выражению Штольца; эти черты привлекают к нему симпатии всех, кто приходит с ним в ближайшее соприкосновение: Штольца, Ольги, Захара, Агафьи Матвеевны, даже его прежних сослуживцев, навещающих его в первой части романа. Притом от природы Обломов далеко не глуп, но его умственные способности дремлют, подавленные ленью; есть в нем и желание добра, и сознание необходимости сделать что-либо для общей пользы (например, для своих крестьян), однако все эти хорошие задатки совершенно парализованы в нем апатией и безволием. Все эти черты характера Обломова ярко и выпукло выступают в романе, несмотря на то, что в нем мало действия; в данном случае это не является недостатком произведения, так как вполне соответствует апатичной, недействительной натуре главного героя. Яркость характеристики достигается, главным образом, путем накопления мелких, но характерных подробностей, живо рисующих привычки и наклонности изображаемого лица; так, по одному описанию квартиры Обломова и ее обстановки на первых страницах романа можно

составить довольно верное представление о личности самого хозяина. Такой способ характеристики принадлежит к числу излюбленных художественных приемов Гончарова; оттого в его произведениях и встречается такая масса мелких подробностей быта, обстановки и т.д.

В первой части романа Гончаров знакомит нас с образом жизни Обломова, с его привычками, а также рассказывает о его прошлом, о том, как сложился его характер. В течение всей этой части, описывающей одно «утро» Обломова, он почти не сходит со своей постели; вообще, лежание на постели или на диване, в мягком халате, было, по словам Гончарова, его «нормальным состоянием». Всякая деятельность утомляла его; Обломов пробовал когда-то служить, но не долго, потому что никак не мог привыкнуть к требованиям службы, к строгой аккуратности и исполнительности; суетливая служебная жизнь, писание бумаг, цель которых была для него иногда неизвестна, боязнь надеть промахов, — все это тяготило Обломова, и, отправив раз служебную бумагу вместо Астрахани в Архангельск, он предпочел выйти в отставку. С тех пор он зажил дома, почти никуда не выезжая: ни в общество, ни в театр, почти не выходя из любимого покойного халата. Время его проходило в ленивом «переползании изо дня в день», в праздном ничего неделании или в не менее праздных мечтаниях о громких подвигах, о славе. Эта игра воображения занимала и тешила его, за отсутствием других, более серьезных умственных интересов. Как всякая серьезная работа, требующая внимания и сосредоточения, чтение утомляло его; поэтому он почти ничего не читал, не следил за жизнью по газетам, довольствуясь теми слухами, которые заносили к нему редкие гости; недочитанная книга, развернутая посередине, желтела и покрывалась пылью, а в чернильнице вместо чернил водились только мухи. Всякий лишний шаг, всякое усилие воли были ему не под силу; даже забота о самом себе, о собственном благосостоянии тяготила его, и он охотно предоставлял ее другому, например, Захару, или же полагался на «авось», на то, что «как-нибудь все устроится». Когда предстояло принять какое-нибудь серьезное решение, он жаловался, что «жизнь всюду трогает». Его идеалом была спокойная, мирная жизнь, без забот и без всяких перемен, так, чтобы «сегодня» было похоже на «вчера», а «завтра» на «сегодня». Все, что смущало однообразное течение его существования, всякая забота, всякая перемена пугали и удручали его. Письмо старосты, требовавшего его распоряжений, и необходимость съезжать с квартиры казались ему настоящими «несчастиями», по его собственному выражению, и он успокаивался только тем, что как-нибудь все это устроится.

Но если бы в характере Обломова не было других черт, кроме лени, апатии, слабоволия, умственной спячки, то он, конечно, не мог бы заинтересовать собою читателя, а также не заинтересовалась бы им Ольга, не мог бы послужить героем целого обширного романа. Для этого необходимо, чтобы эти отрицательные стороны его характера уравновесились не менее важными положительными, могущими вызвать нашу симпатию. И Гончаров, действительно, с первых же глав показывает эти черты личности Обломова. Для того, чтобы яснее оттенить его положительные, симпатичные стороны, Гончаров ввел несколько эпизодических лиц, появляющихся в романе только один раз и затем бесследно исчезающих с его страниц. Это – Волков, пустой светский человек, франт, ищущий в жизни одних удовольствий, чуждый всяких серьезных интересов, ведущий жизнь шумную и подвижную, но тем не менее совершенно лишенную внутреннего содержания; затем Судьбинский, чиновник-карьерист, весь погруженный в мелкие интересы служебного мира и бумажного делопроизводства, а «для всего остального мира он слеп и глух», по выражению Обломова; Пенкин, мелкий литератор сатирического, обличительного направления: он хвалится тем, что в своих очерках выводит на всеобщее посмеяние слабости и пороки, видя в этом истинное признание литературы: но его самодовольные слова вызывают отпор со стороны Обломова, находящего в произведениях новой школы одну только рабскую верность природе, но слишком мало души, мало любви к предмету изображения, мало истинной «человечности». В рассказах, которыми восхищается Пенкин, нет, по мнению Обломова, «незримых слез», а есть только видимый, грубый смех; изображая падших людей, авторы «забывают человека». «Вы одной головой хотите писать! – восклицает он, – вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтобы поднять его, или горько плачьте над ним, если он погибает, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя... тогда я стану вас читать и склоню пред вами голову...» Из этих слов Обломова видно, что его взгляд на призвание литературы и его требования от писателя гораздо серьезнее и возвышеннее, чем у профессионального литератора Пенкина, который, по его словам, «тратит мысль, душу свою на мелочи, торгует умом и воображением». Наконец, выводит Гончаров еще некоего Алексеева, «человека неопределенных лет, с неопределенной физиономией», у которого нет ничего своего: ни своих вкусов, ни своих желаний, ни симпатий: Гончаров ввел этого Алексеева, очевидно, для того, чтобы путем сравнения показать, что Обломов, несмотря на всю

свою бесхарактерность, вовсе не отличается безличностью, что у него есть своя определенная нравственная физиономия.

Таким образом, сопоставление с этими эпизодическими лицами показывает, что Обломов в умственном и нравственном отношении стоял выше окружающих его людей, что он понимал ничтожность и призрачность тех интересов, которыми они увлекались. Но Обломов не только мог, но и умел «в свои ясные, сознательные минуты» критически отнестись к окружающему обществу и к самому себе, признать свои собственные недостатки и тяжело мучиться от этого сознания. Тогда в памяти его пробуждались воспоминания о годах юности, когда он вместе со Штольцем был в университете, занимался наукой, переводил серьезные научные сочинения, увлекался поэзией: Шиллером, Гете, Байроном, мечтал о будущей деятельности, о плодотворной работе на общую пользу. Очевидно, в это время и на Обломова оказали свое влияние идеалистические увлечения, господствовавшие среди русской молодежи 30–40-х годов. Но влияние это было непрочно, потому что апатичной натуре Обломова несвойственно было продолжительное увлечение, как несвойственна была систематическая напряженная работа. В университете Обломов довольствовался тем, что усвоил себе пассивно готовые выводы науки, не продумав их самостоятельно, не определив их взаимного отношения, не приведя их в стройную связь и систему. Поэтому «голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, ничем не связанных политико-экономических, математических и других истин, задач, положений и т.д. Это была как будто библиотека, состоящая из одних разрозненных томов по разным частям знания. Странно подействовало учение на Илью Ильича: у него между наукой и жизнью лежала целая бездна, которой он не пытался перейти. «Жизнь у него была сама по себе, а наука сама по себе». Знание, оторванное от жизни, конечно, не могло быть плодотворным. Обломов чувствовал, что ему, как образованному человеку, нужно что-нибудь делать, он сознавал свой долг, например, перед народом, перед своими крестьянами, хотел устроить их судьбу, улучшить их положение, но все ограничивалось лишь многолетним обдумыванием плана хозяйственных преобразований, а действительное управление хозяйством и крестьянами так и оставалось в руках безграмотного старосты; да и задуманный план едва ли мог иметь практическое значение ввиду того, что Обломов, как сам сознается, не имел вовсе ясного понятия о деревенской жизни, не знал «что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый».

Такое незнание действительной жизни, при смутном желании сделать что-либо полезное, сблизает Обломова с идеалистами 40-х годов, и особенно с «лишними людьми», как они изображены Тургеневым.

Подобно «лишним людям», Обломов иногда проникался сознанием своего бессилия, своей неспособности жить и действовать, в минуту такого сознания «ему грустно и больно становилось за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешавшую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования... А между тем, он болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть теперь, уже умершее, или лежит оно, как золото в недрах гор, и давно бы пора этому золоту быть ходячею монетой». Сознание, что он живет не так, как следует, смутно бродило в его душе, он страдал от этого сознания, иногда плакал горькими слезами бессилия, но не мог решиться на какую-нибудь перемену в жизни, и скоро снова успокаивался, чему способствовала и его апатичная натура, неспособная к сильному подъему духа. Когда Захар неосторожно решился сравнить его с «другими», Обломов жестоко этим оскорбился, и не только потому, что почувствовал себя обиженным в своем барственном самолюбии, но и потому, что в глубине души сознавал, что это сравнение с «другими» клонилось далеко не в его пользу.

Когда Штольц спрашивает Захара, что такое Обломов, то тот отвечает, что это – «барин». Это наивное, но вполне точное определение. Обломов, действительно, представитель старого крепостного барства, «барин», т.е. человек, у которого «есть Захар и еще триста Захаров», как выражается о нем сам Гончаров. На примере Обломова Гончаров, таким образом, показал, как пагубно отражалось крепостное право на самом дворянстве, препятствуя выработке энергии, настойчивости, самодетельности, привычки к труду. В прежние времена обязательная государственная служба поддерживала в служилом сословии эти необходимые для жизни качества, которые стали постепенно глхнуть с тех пор как обязательность службы была отменена. Лучшие люди среди дворянства давно уже сознали несправедливость такого порядка вещей, созданного крепостным правом; правительство, начиная с Екатерины II, задавалось вопросом о его отмене, литература, в лице Гончарова, показала его пагубность для самого дворянства.

«Началось с неумения надевать чулки, а кончилось неумением жить», метко выразился Штольц про Обломова. Обломов сам сознает свое неумение жить и действовать, свою непригодность, резуль-

татом которой является смутная, но болезненная боязнь жизни. В этом сознании и заключается трагическая черта в характере Обломова, резко отделяющая его от прежних «обломовцев». Те были натуры цельные, с прочным, хотя и бесхитростным мирозерцанием, чуждые всяких сомнений, всякой внутренней раздвоенности. В противоположность им такая именно раздвоенность есть в характере Обломова; она внесена в него влиянием Штольца и полученного им образования. Для Обломова было уже психологически невозможно вести такое же спокойное и самодовольное существование, какое вели его отцы и деды, потому что в глубине души он все же чувствовал, что живет не так, как следует и как живут «другие», вроде Штольца. У Обломова есть уже сознание необходимости что-либо делать, приносить пользу, жить не для одного себя; есть у него и сознание своего долга перед крестьянами, трудами которых он пользуется; он разрабатывает «план» нового устройства деревенской жизни, где приняты во внимание и интересы крестьян, хотя Обломов вовсе не думает о возможности и желательности полного упразднения крепостного права. До окончания этого «плана» он не считает возможным переселиться в Обломовку, но из его работы, конечно, ничего не выходит, потому что у него не хватает ни знания сельской жизни, ни настойчивости, ни усердия, ни настоящей убежденности в целесообразности самого «плана». Обломов по временам тяжело скорбит, мучится в сознании своей непригодности, но переменить свой характер не в состоянии. Воля его парализована, всякое действие, всякий решительный шаг пугают его: он боится жизни, как в Обломовке боялись оврага, о котором ходили разные недобрые слухи.

Итак, являясь, с одной стороны, представителем старого крепостного барства, Обломов, с другой стороны, воплощает в себе некоторые черты русского национального характера: например, слабость деятельной воли, пассивное подчинение обстоятельствам, апатичность, склонность к созерцательности жизни, к лени и покою; но Гончаров отметил в характере Обломова и положительные черты: добродушие, сердечность, искренность, правдивость и др. «Наше имя легион», говорит сам Обломов Штольцу, указывая этим на широкую распространенность того типа людей, к которому принадлежит он сам; очевидно, таково же было мнение и Гончарова.

В. Саводник

Заключение

Гончаров является эпическим писателем, не дающим в своих произведениях места своим личным чувствам и мыслям. Он просто рисует жизнь, которая представляется его воображению. Рисуя обыденную жизнь, он, понятно, рисует и обыденных людей. Он не задается целью изобразить в своих героях личности идеальные, он не старается давать также фигуры людей исключительных, являющихся высшим выражением какой-нибудь мысли, общественного течения; и тем не менее, в большинстве его героев, например в Обломове, виден, с одной стороны, обыкновенный человек, а с другой – высшее выражение известной идеи – в данном случае идеи застоя и сна старой эпохи.

Несмотря на высшую степень объективности Гончарова, в его произведениях должна все же быть та доля личного чувства автора, без которого немислимо никакое произведение. Это – живая связь между автором и изображаемым событием, состоящая в духе, чувстве и мысли автора, разлитым по всему произведению. Некоторое отношение к изображаемому должно быть у всякого писателя. Если определять характер этого отношения у Гончарова, то можно сказать, что оно носит отпечаток безразличного юмора. Это не юмор Гоголя – смех сквозь слезы, – это не юмористический пафос Диккенса, – это сдержанная снисходительная улыбка.

Известность Гончарова основывается, таким образом, на том, что он рисует глубокую и разностороннюю картину дореформенной России, быт самых разнообразных слоев общества – и помещиков, и связанных с ними дворовых, чиновничества, аристократии и т.д.; знакомит со взаимными отношениями этих слоев, с их интересами, взглядами и т.д.

По изображению России, дремлющей в застое, Гончаров идет наряду с Гоголем, рисовавшим те же картины. Разница между ними та, что, рисуя жизнь этой эпохи, Гоголь выставляет, таким образом, отри-

цательные стороны этой жизни, между тем, как Гончаров и в картинах сна и застоя отмечает все симпатичное, хорошее и поэтическое...

Как поэту эпическому, Гончарову изображение прошлой жизни, жизни минувших или доживающих поколений, является наиболее подходящей задачей. Вполне понятно поэтому, что наиболее удачным является в его произведениях то, что касается минувших лет.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Обольшом познавательном значении образа Обломова великолепно сказал Добролюбов. Он справедливо видел в Обломове и обломовцах олицетворение помещико-патриархальной России, во владельцах Обломовки воспитателей людей, которые только говорят и ничего не делают, которые не знают нужного обществу дела или не умеют взяться за него. Паразитическая, пустая жизнь эксплуататорских классов и рождала пресловутую «философию покоя», лень, пустую мечтательность.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Таким образом, Обломов, как тип, представляет собой обобщение чрезвычайно широко распространенных жизненных явлений. Неудивительно, что и до Гончарова многие русские писатели в изображаемых лицах воспроизводили те или другие черты этого типа. За Гончаровым, однако, остается та заслуга, что он все эти разрозненные элементы свел воедино и вместе с живым образом Обломова создал также объясняющее этот образ понятие обломовщины, раскрыв в то же время причинную связь ее с условиями окружающей жизни. К числу литературных типов, имеющих родственные черты с Обломовым, относятся Онегин, Печорин, Рудин и др. Бездейственность, отсутствие определенной цели в жизни, отрешенность от жизни и людей, внутренний разлад, – вот общие черты, объединяющие всех этих героев в одну группу, несмотря на многочисленные индивидуальные различия, а также на особенности, зависевшие от влияния эпохи. Но ближе всего подходит к Обломову из прежних литературных типов Тентетников; это сходство давало даже некоторым критикам повод к предложению, что Гоголь в данном случае оказал непосредственное влияние на Гончарова и что Обломов представляет собой дальнейшее и более полное развитие намеченного Гоголем типа; однако такое предположение является неосновательным, потому что 2-й том «Мертвых душ», где выведен Тентетников, был обнародован лишь в 1855 году, между тем, как «Сон Обломова», в котором уже ясно выражена основная идея романа, появился в печати несколькими годами ранее.

В. Саводник